

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

ВЕСЁЛЫЙ ТАИ

Александр Романович Беляев

Весёлый Таи

Аннотация

«Он пришел в лес с песней.

Багровый клуб лучей заходящего солнца запутался в чаще и, словно задыхаясь, угасал. Нетерпеливая тропическая ночь, не ожидая заката, вступала в лес с востока, ложилась на сухую почву, поднималась по толстым стволам вверх...»

Содержание

Таи танцует	4
Цена человека	8
Дорога к Миндре	13
Круглая циновка	17
Кто играет без проигрыша	21
Игра продолжается	24

Александр Беляев

Веселый Таи

Таи танцует

Он пришел в лес с песней.

Багровый клуб лучей заходящего солнца запутался в чаще и, словно задыхаясь, угасал. Нетерпеливая тропическая ночь, не ожидая заката, вступала в лес с востока, ложилась на сухую почву, поднималась по толстым стволам вверх.

В лесу раздавались последние удары топора. Слоны спешили до наступления темноты дотащить срубленные деревья к спуску. С ветки на ветку, с дерева на дерево прыгали веселые серые белки – они торопились укрыться в своем дупле, пока не раскрыл свои ночные, бесшумные крылья когтистый филин. Лес засыпал.

В это время раздалась в лесу его песня.

– Ну и голос! – сказал старый малаец и даже прикрыл глаза от удовольствия.

– Как серебряный колокольчик!

– Соловей садов богдыхана! – заметил кули.

– А песня! Как речной ручей разливается!

Лесорубы, с топорами на плечах направлявшиеся в лагерь, приостановились, заслушавшись неведомого певца.

Совсем стемнело. И теперь казалось, что это поет сама ночь.

Странная песнь! Переливается. Как будто веселая, а грустно от нее. Но в грусти – надежда. Щемит сердце, и смеяться хочется...

Вот певец подошел к лагерному костру. Стройный бронзовый юноша в одних шароварах из свернутого куска материи – понунга. Волосы на голове собраны в пучок. Его зубы не были черны от бетеля, как у большинства сиамцев, и в улыбке сверкали ослепительно. Глядя на эту широкую, открытую улыбку, лесорубы невольно заулыбались сами.

– Веселый таи¹, – сказал старый кули.

Так и пошла за ним кличка – Веселый Таи. Никто не заинтересовался его именем.

– Здравствуйте, вот и я! – сказал Таи, бросая топор на землю.

– Здравствуй! – ответил за всех малаец Чумалонгкорн. – Ты хорошо поешь. Садись.

– Попить бы! А где ваши бараки? – спросил Таи.

Лесорубы рассмеялись.

– Чем тебе не бараки? – сказал лао², показывая на шалаши из веток. – Дождь промочит, солнце высушит.

– Но мне говорили...

– ...Бараки, столовые, горячие обеды, и деньги гребни ло-

---

¹ **Таи** – название сиамцев.

² **Лао** – одно из племен, населяющих Сиам.

патой? Не правда ли? Все мы попадаем на эту удочку. А за водицей изволь сходить к ручью. Рукой подать, если она у тебя длиной в тысячу слоновьих хоботов. Вот ведра. Чумалонгкорн проводит тебя.

Надо же использовать новичка!

Таи принес воды, напился и улегся у костра. Истомленные работой, лесорубы начали засыпать, как вдруг раздались звуки гавайской гитары. Молодой китаец Лу Фую играл мастерски.

При первых же звуках Веселый Таи улыбнулся широко и весело и вскочил на ноги. Трепет артистического вдохновения прошел по его телу, словно Лу Фую заставлял вибрировать не струны гитары, а его нервы.

Таи стоял на месте, сгибая и разгибая колени и разводя руками. Легко покачивался на подошвах, все еще не сходя с места. И вдруг вскрикнул и сделал гигантский прыжок.

Задремавшие лесорубы подняли головы и с изумлением посмотрели на танцора.

А Таи увлекался все больше. Его гибкое молодое тело умело говорить красноречивее языка. Если бы в эту минуту его видали танцоры – мировые знаменитости, – они лопнули бы от зависти. Это было настоящее высокое искусство. В танце Таи не только передавал свое настроение – он рассказывал целую повесть.

Вот он увидел ее – необычайную девушку, красивей которой не было и не будет на свете. Она стройнее пальмы, краше

молодого месяца, слаще меда – нежный, благоуханный цветок... Вот вспыхнула любовь в глазах Таи – могло ли быть иначе? И Таи пылает, как факел любви. Он протягивает к ней руки, умоляет ее. Она отвечает взаимностью! Таи счастлив. О, может ли человек быть так счастлив?!

И вдруг... Словно гром среди ясного неба.

Таи хватается себя за голову. Лицо его искажено страданием. Судорога отчаянья потрясает тело. Она – любимая – уходит от него!

Таи бросается на колени, протягивает руки к уходящей тени. Напрасно! Любимой больше нет.

Глыба несчастья придавила Таи. Он закрывает руками лицо, опускает голову и вдруг без сил и сознания падает на землю...

Гавайская гитара жалобно мяукнула и замолчала.

Лесорубы сидели молча, с угрюмыми лицами, словно они были свидетелями настоящей трагедии, только что разыгравшейся на их глазах.

Цена человека

– Это не танец. Это жизнь. Так не выдумаешь. Ты пережил все это, Веселый Таи? – спросил Чумалонгкорн. – Ты потерял девушку? Невесту? Жену? Расскажи нам, как это было! Она ушла к другому? Изменила тебе? Ее соблазнил белый негодяй? Француз? Англичанин? Расскажи нам, как это было!

Таи поднял лицо и улыбнулся. Таков уж был у Таи характер!

– Измена – ржавчина. Золото не знает ржавчины. А сердце Миндры – из чистого золота. Она не изменила мне! – ответил Таи, сверкнув глазами.

– Значит, она умерла?

– Она умерла для меня, но она должна воскреснуть! – И лицо его вновь озарилось улыбкой, словно он уже видел ее воскресшей. – Слушайте! Я расскажу вам, как это было.

Наша деревня недалеко от города Кыонг-Май. Миндра – девушка из соседней деревни. Сирота. Она ничего не имела кроме золотого сердца... Нет, не так. Миндра была самая богатая невеста в мире. Она так красива, что можно ослепнуть, глядя на ее красоту. Как солнце! Разве это не богатство? Сам принц отдал бы за нее королевство. А она полюбила меня, бедняка. За то, что я веселый. «Милый Сури! Веселье – это тоже богатство», – говорила она мне. Так зовут меня – Сури

Вонзе. И мы женились. Я арендовал кусочек земли...

– У кого? – спросил кули.

– У нас вся земля принадлежит Кинбруку.

– И там он!

– Этот Кинбрук скоро проглотит весь Сиам³, с королем и его белыми слонами!

Лесорубы хорошо знали имя Кинбрука, сэра Генри Кинбрука, пэра Англии, лорда, члена «Звездной палаты». Огромные лесные площади между реками Менамом и Салуеном, рисовые поля, табачные плантации принадлежали ему. Слоновая кость, перец, кожи наполняли огромные склады Кинбрука в Бангкоке⁴. Бангкокская контора занимала целое здание. А вилла Кинбрука была лучшая в городе.

– Продолжай, Веселый Таи!

– Я и Миндра начали заниматься хозяйством. Тан Чи-няо, управляющий Кинбрука, сказал мне: «Вас теперь двое», и набавил арендную плату.

«Земля не будет родить больше от того, что нас двое, а теперь у нас два рта для риса», – ответил я. Но Тан Чиняо не послушал меня... Налог, аренда, проценты ростовщикам... Очень трудно было жить. Голодно жили. Но ничего. Все-

---

³ **Сиам** – «независимое» королевство в Индокитае, фактически сфера влияния Франции и в особенности Англии. Англичане имеют право приобретать в Сиаме земли, в их же руках находится охрана лесов и экспорт леса. Наибольшую ценность представляет тиковое дерево, которое идет на судостроение и постройку вагонов.

⁴ **Бангкок** – столица Сиама.

ло жили! – И Таи беззаботно улыбнулся. – А тут случился неурожай. И я не мог уплатить Кинбруку.

– Сколько? – спросил Лу Фую.

– Тридцать бахт⁵, – ответил Таи.

– Не так уж и много.

– Немного, у кого денег много, – возразил Таи. – У меня было десять бахт. Я предлагал их Тан Чиняю. Он требовал сразу все. Я не мог достать тридцати бахт. Ростовщики требовали старые долги. Тогда Тан Чиняю сказал:

«Я возьму в залог Миндру. Она будет бесплатно работать на рисовых плантациях, пока ты не уплатишь долга. Это будет вместо процентов. А не отдашь долга... Миндра стоит тридцать бахт!»

«Вырежь лучше мое сердце!» – сказал я.

«На что мне оно, твое сердце? Я не ворон и не ем падали, – ответил Тан Чиняю. – Мне нужна Миндра. Если ты любишь ее, то найдешь деньги!»

И Тан Чиняю увел Миндру, а меня выгнал из дома. Я остался без земли и Миндры.

– Это неправильно! – горячо сказал молодой кули. – Я читал: есть такой закон. Никого больше нельзя продавать в рабство.

– Тан Чиняю сказал: «Это не рабство, а залог. Отдай деньги, и я не трону твою Миндру».

– Закон, закон! – с горькой усмешкой сказал Чумалонг-

---

⁵ Серебряный бахт равен 1/12 английского фунта стерлингов.

корн. – Мало ли что пишут в законах! А наша жизнь разве лучше рабства? Ну, и что же ты сделал, Веселый Таи?

Таи улыбнулся.

– Миндра очень плакала, расставаясь со мной. И я тоже. Потом Тан Чиняо сказал мне:

«Не вешай носа, Сури Вонзе. Иди на лесозаготовки мистера Кинбрука. Там ты будешь получать целых десять бахт – и ты выкупишь свою Миндру». Тан Чиняо не совсем злой человек. Он подал добрый совет. На последние деньги купил я топор и вот пришел сюда. Три месяца – не так уж много!

Последнее облачко грусти сошло с лица Сури. Он вновь стал Веселым Таи.

Лесорубы заговорили все сразу. Они начали доказывать Таи, что его расчеты неправильны.

– А за рис сколько у тебя вычтут?

– А штрафные?

– А Ву Ван? Ты еще не знаешь Ву Вана! Сегодня он не пришел. Наверно, повез награбленные деньги в контору Кинбрука.

– Сколько же месяцев мне надо работать, чтобы выкупить Миндру? – спросил Таи упавшим голосом.

Лесорубы начали считать – кто на бахты, кто на тикали⁶.

Выходило по-разному. Все сходились только в одном: Веселому Таи не выкупить Миндры раньше года, и то при непременно условии, если Таи не попадет в лапы Ву Вана.

---

⁶ Тикаль равен 60 центам мексиканского доллара.

- А разве это возможно?!
- Кто такой Ву Ван?
- Демон-соблазнитель. Дух тьмы и порока.
- Исчадие ада!
- Агент мистера Кинбрука!

Дорога к Миндре

Еще тук-хаи⁷ не прокричал перед рассветом в соседней деревне, еще летучие мыши бесшумным, немым полетом чертили зигзаги меж толстыми стволами деревьев, а Таи уже проснулся. Ему не спалось. Он спешил скорее приняться за работу. Валить толстые сухие стволы тиков. Ведь каждый удар топора прорубал дорогу к свиданию с Миндрой!

Молчаливый лес еще кутался во влажной простыне ночных испарений. Где-то пронзительно трубил слон, требуя, чтобы его скорее вели на водопой.

– Вставать, лентяи! – крикнул визгливый бабий голос. Таи вздрогнул от неожиданности. Лесорубы зашевелились. На ощупь искали оцепенелыми от сна руками топоры, кашляли, переругивались. А тот же визгливый голос словно подстегивал кнутиком:

– Скорей! Скорей, лентяи!

Это был голос надсмотрщика Ли Тайчао, которого китайские кули, работавшие на лесозаготовках, прозвали Ди-бао – полицейский.

Во мраке, спотыкаясь о сучья, брел Таи по незнакомой дороге.

Когда лесорубы пришли на место, вершины деревьев за-

---

⁷ Тук-хаи – птица. Живет на крышах домов. Несколько раз в сутки издает резкий крик, который служит часами деревенским жителям.

розовели. Тонкий луч пронизал чашу и осветил высокий ствол. Таи напал на него со своим топором, как на врага; и рубил без перерыва.

– Так тебя надолго не хватит! – сказал сосед Лу Фую.

– Молчать! Не разговаривать. Что портишь новичка? – закричал вездесущий Ди-бао и стеганул хлыстом по голой спине кули.

Таи был удивлен спокойствием Лу Фую, который под ударом только повел плечом. Привычное дело!

Скоро Таи убедился в том, что Лу Фую был прав: так работать нельзя. Еще не прошло трех часов с начала работы, а Таи почувствовал, что руки его одеревенели, спина болела. Пот заливал глаза. С каждым часом солнце жгло все сильнее. Временами Таи казалось, что он работает среди лесного пожара. Невыносимо хотелось пить. Он бросил топор и спросил:

– Где бы напиться?

– Напиться? Глупости! Работать надо! Lentяй! – налетел на него Ди-бао. – Вечером напьешься! А не хочешь работать – уходи из леса!

«Не хочешь работать!» Он ли не хочет работать?.. Таи вздохнул и снова взялся за топор. Для Миндры он готов умереть от жажды! Дорога к Миндре – через лес. Бедная Миндра! Быть может, и она сейчас вот так же мучится от жажды... А может быть, и еще хуже?.. Таи вспоминает лоснящееся лицо Тан Чиняо и его масляные глаза кота. Этими глазами он

смотрел на Миндру, когда уводил ее к себе...

Таи со стоном вонзает топор в дерево. Щепки летят каскадом... Даже Ди-бао доволен!..

Это был тяжелый день. В полдень, когда солнце стояло над головой, Ди-бао крикнул:

– Бросай!

Все побросали топоры, расселись в тени и вынули холодный рис, завернутый в тряпочку. Таи не имел риса – он только вчера пришел в лес, – и Лу Фую, который так хорошо играл на гавайской гитаре, разделил с Таи свою скудную трапезу. Лу Фую объяснил, что этот рис им приходится покупать у хозяина по дорогой цене.

– Легкий завтрак! – сказал Таи, сразу отправив в рот всю горсть риса. – А когда обед?

Лу Фую улыбнулся. Он ел рис медленно, кладя в рот по два-три зернышка и старательно разжевывая их.

– Это все. Завтрак, обед и ужин! – ответил он, покончив с рисом и вылизав ладонь.

– Но разве можно прожить этой горстью и работать?..

– Рубить! – уже кричал Ди-бао, хотя перерыв не продолжался и получаса.

В лесу снова застучали топоры. Под вечер Таи рубил как в бреду. Он почти не сознавал, что делает. Ди-бао бранил его, даже стегнул хлыстом по спине. А может быть, это и помешало...

Работу прекратил не Ди-бао. Работу прекратило солнце:

оно отказалось больше светить. Ошалевший от усталости, Таи не мог понять, почему он перестал видеть ствол. Лу Фую ударил Таи по плечу и сказал:

– Тебя надо отрывать от работы. Ты больно спешишь к своей Миндре! Спеси не спеси – раньше года не увидишь ев. И то, если Ву Ван не опутает тебя.

Таи побрел к лагерю, не чувствуя ног и рук. Но ему пришлось еще идти далеко за водой. У ручья он пил и не мог напиться. А когда наконец пришел к костру. Чумалонгкорн посмотрел на него насмешливо, спросил:

– Ты нам не потанцуешь сегодня, Веселый Таи?

Круглая циновка

На третий день пребывания в лесу Таи наконец увидел Ву Вана, о котором так много слышал.

Ву Ван совсем не был похож на исчадие ада. Наоборот, он показался Таи очень симпатичным, простодушным, веселым, уже не молодым китайцем.

Когда лесорубы вернулись после работы, Ву Ван уже сидел у костра. Его реденькая бородака тряслась от смеха, лицо смеялось тысячью морщинок. Глаза сощурены так узко, что видны были только зрачки, сверкавшие при свете костра, как золотые бисеринки.

На земле перед ним лежала круглая серая циновка, разделенная красной полосой на четыре сегмента. Холщовый мешок и небольшой замшевый мешочек аккуратно сложены возле циновки.

– Ну, кто? Кто? Кто? Кто хочет иметь целую кучу денег? Держу банк! Занимайте места, дятлы! Довольно настукались. Отдохнуть надо, дятлы! Поиграть надо! Кто? Кто? Кто?

Таи удивился: лесорубы, которые отзывались о Ву Ване с таким презрением и озлоблением, встретили его веселыми шутками, как старого приятеля.

– Опять обчистишь нас?

– А угощение будет?

– Брось ты свою циновку, давай карты!

Бу Ван отвечал всем сразу:

– Зачем чистить? Вы еще сами меня обчистите! Будет и угощение! Кто выиграет, тот и угостит себя и других! Вынем и карты. Всему свой черед, дятлы!

Бу Ван внес оживление. Сиамцы – азартные игроки. Да и чем больше развлечься в лесу?

Бу Ван, болтая без умолку, вынул из холщового мешка кучу раковин-ужовок и насыпал на середину циновки. Четыре игрока уселись в кружок и положили ставки – не больше трех мелких монет, – каждый на свой сегмент. Затем Бу Ван начал отбирать из кучи по четыре раковины. Выигрывал тот, в чьем сегменте оказывалось число монет, равное остатку раковин – в одну, две или три штуки. Выигравший получал двойную ставку. Если раковины расходились без остатка, банкомет брал все ставки.

Игра заинтересовала Таи. В нем уже загоралась страсть игрока. Бу Ван каждый раз складывал раковины в мешок, и каждый раз в остатке было разное количество раковин. Игрой, казалось, управлял случай. Чистая игра. Иногда выигрывали лесорубы, иногда Бу Ван. И только общий итог игры мог заставить призадуматься: Бу Ван всегда оказывался в выигрыше.

Таи не знал, что тонкие, нервные пальцы Бу Вана – пальцы жонглера – на ощупь могли вытащить из мешка любое количество раковин. Банкомет управлял игрой. Подзадори-

вал выигрышами в начале и срывал банк в конце игры.

Лесорубы знали, что Ву Ван – шулер. Знали они и то, что Ву Ван – агент Кинбрука, важный винтик в системе эксплуатации.

Но играть так хотелось! А проигрыш? Надо же платить за удовольствие. «Даром и музыка не играет!» И лесорубы играли, неизменно проигрывали, влезали в неоплатные долги, безнадежно, на годы закабались, как рабы...

Лу Фую выиграл. Ву Ван развязал замшевый мешочек и честно отсчитал счастливчику шесть монет...

– Не хочешь ли угостить товарищей? – И, не дождавшись ответа, Ву Ван вынул из холщового мешка бутылку водки и стаканчик. Выигрыш Лу Фую перешел обратно в замшевый мешочек Ву Вана, а водка, разбавленная водой и настоящая на перце, перелилась в глотки лесорубов, жгучая, как расплавленный металл. Настроение сразу поднялось.

– Карты! Давай карты!

Появились карты. В игре приняли участие многие.

Когда Чумалонгкорн выиграл сразу десять бахт, у Таи захватило дыхание. Ведь три таких выигрыша, и Миндра на свободе!..

– Что не играешь, новичок? – спросил Ву Ван. От острых глаз не ускользнуло волнение Таи.

– Еще не заработал! – ответил юноша.

– Ничего. В долг запишем. Имя?

– Сури Вонзе.

– Есть! Подпиши только бумажку. А выиграешь – получай наличными.

Демон-соблазнитель глубоко запустил когти...

Таи сделал свою первую ставку – и выиграл. Лицо Миндры улыбнулось ему.

– Прощай теперь твоя Миндра! – зловеще сказал Чумалонгкорн.

Кто играет без проигрыша

Жизнь Таи раздвоилась. Весь день он «прорубал дорогу к Миндре». Это был каторжно-тяжелый труд...

А с закатом солнца приходил, как дух тьмы, Ву Ван, и начиналось безумие...

Таи мечтал о большом выигрыше. Ему казалось выиграть Миндру у случая скорее, чем прорубить к ней дорогу через лес. Но чем больше играл Таи, тем длиннее становилась эта дорога.

Ву Ван от времени до времени исчезал, и тогда на Таи находило тяжелое раздумье. Вместе с Лу Фую они начинали подсчитывать, пугаясь в цифрах и валютах и поправляя друг друга, сколько задолжал Таи и сколько ему теперь надо отработать за долг. С каждым разом получались все более неутешительные выводы.

– Если ты больше играть не будешь, – с этого всегда начинал Лу Фую, – то тебе придется отработать семнадцать месяцев...

– Не может быть! Ты ошибся! – взволнованно прерывал Таи.

– Считай сам. Сто пятьдесят бахт проигрыша. Да тридцать тебе надо за Миндру уплатить... Да удержания... вычеты... Даже больше выходит!

– Будь он проклят! – ворчал Таи. – Почти два года! Ну...

а если повезет? Если выиграть?..

– Брось игру! Топором не скоро, да верней! – говаривал Лу Фую.

И Таи давал себе слово больше не играть.

Но довольно было прийти Ву Вану и весело закричать. «Ну, кто? Кто? Кто хочет выиграть кучу денег? Подходите, дятлы!» – и Таи не мог устоять.

Он очень изменился за это время. Похудел, почернел, лицо опухло, волосы всклокочены, в глазах – ошалелая тупость. И улыбка стала болезненной, кривой. Таи пристрастился не только к игре, но и к жгучей водке.

Однажды, увидав в ведре с водою свое отражение, он не узнал себя, а узнав, испугался. Неужели это он, веселый красавец Таи?.. Если бы Миндра увидала его теперь!.. Эта мысль поразила его. И он поклялся тут же над ведром больше не играть.

На его счастье, в этот вечер Ву Вана не было. Не было игры, не было водки, Таи мог подумать на свободе.

И вдруг новая мысль заставила его содрогнуться. Он поймал себя на том, что скучает без Ву Вана. Ву Вана не было, и Таи думал о нем больше, чем о Миндре. Таи только сейчас ясно понял, что игра из средства давно превратилась в цель. Игра стала страстью, которая овладела им не меньше, чем любовь к его нежной Миндре. Даже больше. Да, больше, как ни ужасно в этом признаться! Ведь для Таи давно ясно, что, садясь играть, он не приближает, а отдаляет час свидания.

ния с Миндрой. Миндра страдает, ждет его, а он преступно проигрывает ее судьбу в карты. И во всем виноват Ву Ван, дух тьмы, исчадие ада.

Там, где-то, за Ву Ваном, стоял сэр Генри Кинбрук, волю которого исполнял Ву Ван. Это лорд Кинбрук, пэр Англии, член «Звездной палаты», играл с Таи без проигрыша! Но Таи знал и видел только Ву Вана и на него перенес весь свой гнев и свою ненависть. И пока Ву Ван приходит в лес со своими картами, циновкой и водкой, Таи не вырваться из его когтей и никогда-никогда не видать ему Миндры...

В эту ночь ему снилась Миндра, чье лицо прекраснее месяца... Она наклонилась к нему, обняла, поцеловала и вдруг начала плакать.

– Ты погубил себя и меня, Сури! – сказала она.

– Не я, а он, проклятый Ву Ван! – громко ответил Таи и проснулся. Лицо его было мокро от слез...

– Вставать, лентяи! – визгливо кричал Ди-бао.

Игра продолжается

Он пришел опять, этот демон-искуситель.

– Эй, кто? Кто? Кто?..

– Чего же ты не играешь, Веселый Таи? – спросил Чумалонгкорн.

– Сегодня мне и без игры весело, – ответил Таи. – Я сегодня хочу танцевать. Играй, Лу-Фую!

И под звуки гитары Таи начал танцевать так, как он еще никогда не танцевал. Он снова переживал свою любовь и печальную разлуку... Вот она уходит от него... Таи в отчаянии падает на колени, опускает голову... Взгляд его падает на лежащий топор.

Таи вскрикивает, хватая топор, одним прыжком подбегает к Ву Вану и раскалывает ему череп.

...Вот и весь рассказ о Веселом Таи. Его уже нет, артиста, певца, танцора. Таи казнили. С его топором работает уже новый лесоруб – печальный лао.

А мешок с картами, раковинами, круглой циновкой и водкой перешел к Ван Юшену. Какая разница? Игра продолжается!

Миндра? Но кому интересна судьба какой-то бедной таи? Газеты об этом не пишут. Есть более интересный материал.

Например: о щедром пожертвовании лордом Кинбруком в фонд Армии спасения.

Читатели «Таймса» любят умилиться над проявлением гуманности. А гуманность сэра Генри поистине достойна умиления!